

Лянь Циншань сокрушённо вздохнул: «Жаль, жаль».

У этого отрока безграничное будущее, жаль только, что им управляют злые силы, помыслы его нечисты, и если оставить его в живых, он непременно станет бедствием для мира уся.

Тан Шаотань: «Ты не тот, кого я ищу».

В итоге Вопрошающий об именах, тяжело ранивший Лянь Циншаня, не стал добивать побеждённого, не способного постоять за себя. Он лишь с бесстрастным видом убрал меч, вернулся на прежнее место у ворот Дома Фань и продолжил неподвижно ждать.

Не зря говорят, что враги не случайно сходятся. Тот, кто три года назад сокрушил честолюбивые замыслы Лянь Циншаня, теперь, спустя три года, открыто явился на его Церемонию омовения рук в золотом тазу.

Неужели пришёл сорвать мероприятие?

Авторское примечание:

Спасибо за прочтение, буду рад вашим коллекциям и ожиданию продолжения!

Комментарии о сюжете и персонажах вижу, но, чтобы не спойлерить, просто молча читаю! Спасибо всем, кто поддерживал меня с 2021-01-31 19:57:07 по 2021-02-06 15:48:28, бросая диктаторский билет или поливая питательным раствором!

Особая благодарность ангелочку: Цзы, 10 бутылочек питательного раствора;

Огромное спасибо всем за поддержку, я буду стараться!

Главу Павильона Ушоу это озадачило. Он снизошёл до того, чтобы сдержать слово и прийти для количества, но вместо благодарности столкнулся с атмосферой, где вот-вот полыхнёт.

Лянь Циншань, опираясь на квадратный столик, на котором должен был стоять таз, пошатнулся и лишь с поддержкой молча стоявшего рядом ученика смог удержаться на ногах. Дрожащим голосом он указал на пришедших с поздравлениями «братьев-нищих»: «Ты... ты и есть тот самый Вопрошающий об именах из прошлого».

Заметив неладное, А Цзю повернулся к Тан Шаотану: «Твой враг?»

Как так вышло, что у тебя, мелкого убийцы, врагов больше, чем у меня, повелителя окутанного кровавым туманом Павильона Ушоу? Просто так, гуляя по улице, можно наткнуться?

Тан Шаотань с недоумением оглядел Лянь Циншаня с ног до головы.

«Не знаю, не помню».

Тан Шаотань редко странствовал по реке и озёрам, но каждый раз, покидая Павильон Радужных Одежд, учинял немалый переполох. Хотя он никогда никому не представлялся (кроме А Цзю), побеждённых им было не счесть, он их не узнавал и не помнил.

Лянь Циншань пришёл в ярость: «Вопрошающий об именах, ты переходишь все границы!»

Сам спровоцировал, а теперь притворяется, что не в курсе?

Лянь Циншань с силой ударил по столу, вскочил, схватил своё оружие и шагнул вперёд, но на линии фронта встретился с парой холодных светлых глаз, терзавших его в ночных кошмарах. Унизительное поражение трёхлетней давности встало перед глазами, он с трудом сдержал ярость в сердце и лишь гневно уставился на ненавистного юношу перед собой.

Он ненавидел. Ненавидел, что уступает в мастерстве, что перед лицом великого врага не может смыть позор.

Эту сцену видели все присутствующие, и, естественно, ученики Школы Бэйван — тоже.

Молодёжь, ещё мгновение назад смеявшаяся и болтавшая, от неожиданного поворота событий побледнела.

Старший брат Чжан не верил своим глазам, речь его спотыкалась: «Ты... ты и есть тот... тот самый Вопро... Вопрошающий об именах, о котором говорил наставник?»

Тот самый, что косвенно довёл их Школу Бэйван до такого упадка и сделал её посмешищем в мире уся?

Фань Сяо почувствовал недоброе. Хотя он и не понимал, что происходит, интуиция подсказывала: правду говорить ни в коем случае нельзя. Он только собрался приблизиться к Тан Шаотану и шепнуть ему на ухо, чтобы тот ни в коем случае не говорил правды — лучше промолчать, соврать, что угодно, лишь бы не признаваться, — как А Цзю уже опередил его, ехидно подойдя и спросив:

«О, так вы знакомы? Вопрошающий об именах, говоришь?»

Фань Сяо: «...»

Ты что, с ним враждуешь?!

Глава павильона Ушоу то и дело забывал о своём плане обратного использования «чар красоты» для улучшения отношений и действовал по прихоти. И как раз наткнулся на Тан Шаотана, у которого полностью отсутствовала воля к жизни. Сошлись два сапога, вместе и помчались по дороге самоубийственных поступков.

Тан Шаотань без колебаний признал личность: «Да».

Фань Сяо ощутил, как сердце его умирает: «...»

Ты что, с самим собой враждуешь?!

Едва Тан Шаотань договорил, как ученики Школы Бэйван в унисон обнажили оружие, объединённые общей ненавистью.

Скрип — ворота за их спинами тихо закрылись. Церемония омовения рук в золотом тазу была сорвана самым неожиданным образом.

А Цзю спокойно огляделся, прикидывая, что даже если все эти люди нападут на него разом, бояться нечего. Полагаю, для Тан Шаотана — тоже. Лишь Фань Сяо запаниковал и, указывая на А Цзю, стал упрекать:

«Ты-ты-ты не мог бы поменьше говорить?!»

Или хотя бы изредка говорить что-то человеческое!

А Цзю презрительно скривил губу, не придав этому значения.

Полагаю, раны Тан Шаотана уже в основном зажили, справиться со всяким сбродом, наверное, не проблема. А он сам с Тан Шаотаном официально ещё не скрещивал оружия, поэтому глубину того мастерства ему не довелось увидеть. Теперь сама судьба предоставила возможность, пусть прохожие проверят его вместо него, чтобы в будущем, когда придётся действовать самому, знать меру.

А Цзю: «Эй, откройте ворота, зачем вы меня задерживаете? Вам нужен он, а не я, ясно?»

Раз уж решил дать другим испытать его боевые навыки, самому ввязываться в драку неудобно. Вдруг он ненароком ослабит противника, и Тан Шаотаню уже не придётся действовать?

А Цзю прислонился к воротам, приняв вид полного безразличия. Его намерение остаться в стороне было очевидно.

Фань Сяо рассвирепел: «Да у тебя вообще нет понятия о товариществе?!»

Хотя... хотя ты и прав, но разве товарищеские чувства, возникшие в пути, могут так просто испариться?

Видя, что А Цзю хочет остаться в стороне, Тан Шаотань опустил длинные ресницы, не высказывая оценки. Спустя некоторое время он снял с пояса висящий меч и швырнул его А Цзю.

А Цзю: «?»

Он поймал меч, лениво покрутил его вокруг запястья и недоумённо спросил: «В смысле?»

Тан Шаотань: «Твой меч, возвращаю».

Расстаёмся здесь, боюсь, больше не встретимся.

Мы изначально не шли одной дорогой, лучше поскорее провести черту, чтобы каждый мог отправиться своей стороной.

Тётушка Чань велела ему использовать А Цзю для выведывания сведений, а когда в будущем он станет ненужным — убить, чтобы рот не разевал. Если сейчас, в этой суматохе, А Цзю сможет улизнуть, возможно, ему удастся выйти живым.

А Цзю слегка прищурился, словно размышляя о смысле слов Тан Шаотаня.

Жаль, что ответа он не придумал, зато первым в голову пришла дурацкая идея.

А Цзю: «Если моё — возвращаешь, то одежда на тебе ведь тоже моя? Сейчас вернёшь?»

Тан Шаотань опешил, внезапная идиотская мысль выбила его из колеи.

Вернуть одежду?

На самом деле они не слишком старались изображать братьев-нищих, просто накинули поверх постриженные в лохмотья серые верхние одежды, а под ними всё оставалось как было.

Эта одежда сейчас на нём, как её возвращать?

Тан Шаотань нахмурился, опустил голову и посмотрел на своё платье.

Тан Шаотань: «...»

Спустя мгновение ожидаемая Фанем Сяо сцена, где он в душе ругал «мерзавца-развратника» и одновременно боялся, что сейчас начнётся раздевание, так и не произошла. Тан Шаотань лишь в затруднении покачал головой, ясно выразив отказ.

«Сейчас не могу».

А Цзю: «...»

Ты что, всерьёз подумываешь вернуть потом?

Выстирать, аккуратно сложить, обрызгать ароматной пудрой и вернуть в идеальном порядке?

А Цзю и Тан Шаотань уставились друг на друга, застыв в своём мирке, но неожиданно выступил вперёд человек, которого никто не ждал.

Старший брат Чжан: «Людей привёл я, никто не двигается, я сам разберусь!»

Младшая сестра: «Старший брат Чжан?»

Эта пара брата и сестры по учению знала друг друга с детства, и всегда это глупый старший брат бегал за младшей сестрой, а в драках больше всего любил прятаться за спиной старшего брата-учителя, призывая к миру и согласию. Впервые он выступил вперёд.

Чтобы показать свою беспристрастность, старший брат Чжан швырнул Тан Шаотану ножны в качестве замены меча и, чувствуя себя неуверенно, сказал: «Я атакую, смотри в оба».

Смотри в оба, только, ради всего святого, не покалечь меня.

Тан Шаотань: «...»

Молча приняв ножны, он не стал возражать.

Старший брат Чжан наконец-то извлёк меч. Приёмы были отточенными и изящными, свет клинка острым — видно, основы заложены неплохо, обычно он усердно тренировался. Тан Шаотань, держа ножны обратным хватом, легко увернулся от острия меча, развернулся, провернул запястье и выбил меч, использовав лишь треть силы. Рука старшего брата Чжана, державшая меч, словно вовсе не ела досыта, бессильно разжалась, и меч со свистом взмыл под крышу, застрял в щели между черепицами и задрожал, издавая гудение.

Старший брат Чжан, словно заранее подготовившись, скользящим подкатом по-мошеннически налетел на ножны Тан Шаотаня, коснулся — и упал, распластавшись на земле с воем.

«Ай-ай-ай, какое мастерство! Больно-больно, младшая сестра, спаси!»

Младшая сестра: «...»

Ну и боец.

<http://bllate.org/book/16258/1462660>